Тихонъ Семеновичъ Осенниковъ.

(Памяти борца, павшаго за свободу Россіи).

Тихонъ Семеновичъ Осенниковъ былъ младшимъ и наиболѣе любимымъ сыномъ крестьянина, мелкаго служащаго Сызрано-Вяземск. ж. д. въ Пензѣ. Изъ своихъ братьевъ онъ одинъ окончилъ среднее учебное заведеніе--Пензенское Реальное Училище—и единственный изъ семьи поступилъ въ Высшее учебное заведеніе—Горный Институтъ въ 1911 г. До окончанія курса въ Институтѣ ему оставалось лишь выполнить дипломные проекты, когда такъ внезапно прервалась его молодая жизнь: Умеръ онъ 23 лѣтъ отъ роду.

Молодой, энергичный, всегда веселый, онъ успѣшно проходилъ курсъ Института и въ тоже время пополнялъ свои знанія въ другихъ областяхъ. Онъ былъ слишкомъ широкой натурой, пробы замкнуться въ узкій кругъ спеціальныхъ знаній и не мало посвящалъ времени общественной дѣятельности въ Институтѣ, несмотря на то, что былъ принужденъ добывать себѣ средства для жизни уроками и службой и что въ послѣдніе годы общественная дѣятельность въ Институтѣ требовала особо бодраго настроенія и слишкомъ незаурядную энергію, значительная доля которой уходила на борьбу съ мелочными препятствіями, воздвигавшимися на пути тѣми, кто держалъ власть въ рукахъ.

Т. С. не былъ партійнымъ дѣятелемъ; его взглядъ на жизнь, людей и будущее еще не вылился въ строго опредѣленные формы; онъ подходилъ ко всему безъ предвзятой мысли... Онъ брался за работу, зная, что она была нужна, была полезна и брался съ любовію, съ горячностію, и его стремленіе трудно было охладить или сдержать скептическимъ отношеніемъ. Онъ, можетъ быть, мало зналъ людей, но имъ много вѣрилъ, и если въ комъ-нибудь обманывался, то не падалъ духомъ. Онъ любилъ свободу, понимая, что безъ нея невозможна широкая творческая работа; она была ему нужна для примѣненія его незаурядныхъ способностей; онъ ненавидѣлъ угнетеніе и угнетателей, но — что характерно было въ немъ—ненавидѣлъ онъ безъ злобы, безъ желчности, а въ его ненависти чувствовалась сильная вѣра въ то, что въ жизни должно взять верхъ только разумное и хорошее, и все его міровоззрѣніе дышало жизнерадостностіію.

Онъ любилъ работу, не отказывался отъ нея, когда товарищи поручали ему что-нибудь: была-ли то работа въ Лазаретной Комиссіи, Горномъ Кружкѣ или Единой Комиссіи онъ даже искалъ ее, и когда Лазаретная Комиссія умерла, понявъ, что безъ организаціи общественной жизни въ Институтѣ работать нельзя и хотѣла призвать товарищей къ организаціи, то тамъ никто не нашелъ въ себѣ горячей вѣры въ возможность добиться какихъ-нибудь результатовъ при старыхъ порядкахъ, кромѣ Тихона Семеновича, который съ охотой, не смущаясь скептическими предсказаніями, взялъ на себя эту работу; несмотря на то, что среди части студенчества, когда-то вліятельной, существовало мнѣніе: „чѣмъ хуже, тѣмъ лучше“—онъ всетаки началъ работу въ Единой Комиссіи подъ косыми взглядами начальства и при равнодушіи студентовъ. Онъ не могъ примириться съ той апатіей и сознательнымъ бездѣйствіемъ, какія царили среди студенчества Института. Апатія ему была чужда, а сознательно ухудшать положеніе онъ не

могъ; онъ чувствовалъ, что можетъ принести нѣкоторую пользу и этого было достаточно, чтобы ему взяться за работу. Онъ забывалъ о томъ, что на пути ему будутъ вкладывать палки въ колеса—онъ не обращалъ на это вниманія зналъ, что можетъ идти впередъ и шелъ; и онъ сдѣлалъ, что было возможно и что не могли сдѣлать другіе.

Онъ стремился организовать студенчество и объ этомъ не уставалъ говорить; по его настоянію вопросъ объ объединеніи товарищей на почвѣ техническихъ знаній поднимался въ Горномъ Кружкѣ всего лишь за недѣлю до смерти и никто изъ насъ, споривших съ нимъ, не думалъ, что мы споримъ въ послѣдній разъ и что уже 28 февраля не состоится собраніе Горнаго Кружка и что 28 февраля Т. С. уйдетъ отъ насъ, унеся съ собой горячую вѣру въ людей и бьющую ключемъ энергію.

Онъ былъ слишкомъ горячъ, чтобы быть холодно-разсудительнымъ—это, можетъ быть, и погубило его...

Объ обстоятельствахъ смерти его, насколько удалось установить, можно сказать слѣдующее: вечеромъ 27 февраля онъ вышелъ изъ дома. Около 11 ч. его видѣлъ одинъ изъ товарищей въ бронированномъ автомобилѣ на углу 8-й линіи и Большого пр. Вас. Острова; Т. С. радостно сообщилъ о побѣдѣ; онъ почувствовалъ зарю новой жизни и кинулся отвоевывать это будущее. Потомъ, говорятъ, что онъ участвовалъ въ этомъ же автомобилѣ въ снятіи городовыхъ на Гороховой улицѣ, гдѣ и былъ поднятъ противъ дома № 11, убитый 6-ю пулями.

Какъ убитъ; установить трудно, но молва говоритъ, что городовые выкинули бѣлый флагъ и когда Т. С. вышелъ изъ броневика... разстрѣляли его изъ пулемета. Характеръ раненій подтверждаетъ это. Этому вѣрить можно еще потому, что это такъ похоже на Т. С. Онъ былъ слишкомъ честенъ, чтобы подозрѣвать постоянно другихъ въ коварствѣ! И тутъ онъ повѣрилъ тѣмъ, у кого не было ни чести, ни совѣсти... Онъ не могъ въ этомъ бою разсуждать надо-ли выходить или нѣтъ; онъ повѣрилъ, что они — выкинувшіе бѣлый флагъ—похожи на людей и смѣло вышелъ, и предательски былъ убитъ.

Погибъ въ расцвѣтѣ силъ, на порогѣ широкой, самостоятельной дѣятельности молодой, энергичный, чуждый нетерпимости, съ широкимъ взглядомъ на жизнь, погибъ тогда, когда особенно цѣнны творческія силы народа и когда его незаурядныя дарованія нашли бы широкое примѣненіе, могли быть использованы въ полной мѣрѣ принести пользу тому народу, изъ чьей среды вышелъ такой одаренный юноша.

Намъ—его товарищамъ—суждено было особенно остро и больно почувствовать какой цѣной куплена свобода и можетъ быть болѣе чѣмъ кому другому, хотѣлось, чтобы это была послѣдняя жертва въ той громадной вереницѣ борцовъ за свободу, которая подготовила рожденіе свободной Россіи... Намъ хотѣлось бы, чтобы эта послѣдняя жертва спаяла воедино всѣхъ кому дорога свобода, а тѣхъ, кто былъ до сихъ поръ глухъ, показала, что свобода нужна не партіямъ, не группамъ, а нужна всѣмъ, кто любитъ свою Родину и чтобы они—эти гонители свободнаго духа,—увидѣвъ это, молча ушли въ забвеніе.

В. К. Одровъ.

Тѣло Т. С. родные пожелали отвезти для погребенія въ Пензу. Прибытіе родныхъ задержалось и лишь 9-го марта состоялись проводы покойнаго на Николаевскій вокзалъ.

Передъ выносомъ отслужили панихиду въ маленькой квартирѣ въ стѣнахъ И-та, пріютившей тѣло покойнаго... На панихиду собрались директоръ Института, профессора, студенты, родные и знакомые покойнаго... Квартира не могла вмѣстить всѣхъ пришедшихъ.

Послѣ панихиды гробъ взяли товарищи и вынесли на Набережную, гдѣ отдали послѣдній долгъ покойному; подъ открытымъ небомъ собрались всѣ, кто хотѣлъ помянуть погибшаго: тутъ были профессора студенты, раненые лазарета имени Института, служащіе и служители Института, солдаты Финляндскаго полка и постороняя публика. Присутствовавшіе заполнили набережную передъ Институтомъ. Оркестръ Финляндскаго полка стройно исполнилъ „Коль Славенъ“ и смолкъ...

Отслужили литію...

Провожая Т. С. изъ Института, товарищи не могли обойти молчаніемъ его жизнь, дѣятельность, на сколько она развернулась на ихъ глазахъ.

Они указали на то какъ онъ работалъ и дѣйствовалъ въ Институтѣ, всегда стремился впередъ, съ жаромъ брался за работу и искалъ ее, и какъ онъ погибъ...

Смолкли рѣчи. Тихо двинулась процессія. Музыка заиграла похоронный маршъ. Полу-рота Финляндскаго полка, такъ недавно еще носившаго гордое названіе „лейбъ-гвардіи“, взяла „на караулъ“ и молча отдала воинскую почесть тому, кто не былъ военнымъ, но кто погибъ въ бою.

Народная армія, родившаяся въ день, когда гибли послѣдніе борцы за свободу, оцѣнила ихъ подвигъ и послала своихъ представителей отдать честь и дань уваженія одному изъ нихъ, какъ своему товарищу—члену тѣсной семьи: пропасть, когда-то раздѣлявшая студента отъ солдата, закрылась и стройными рядами съ ружьями на плечо провожали солдаты процессію, начинавшуюся вѣнками съ красными лентами, шедшую подъ звуки революціоннаго похоронного марша.

Смѣнялись одни за другими несущіе гробъ—тутъ были и товарищи-студенты, и солдаты, и посторонніе... Мѣрно колыхался дубовый гробъ въ тѣсномъ кольцѣ провожавшихъ, а тамъ—сзади—медленно плелась такъ ненужная колесница. По дорогѣ изрѣдка черезъ цѣпь пробирался кто-нибудь изъ посторонней публики и бросалъ на гробъ цвѣты.

Процессія прошла по набережнымъ, черезъ Исаіевскую площадь, свернула на Морскую и на углу Гороховой—мѣстѣ гдѣ былъ подятъ убитый Т. С.—остановилась; хоръ товарищей пропѣлъ „Вѣчная память“ и процессія двинулась дальше, свернувъ на Невскій проспектъ.

Прибыли на вокзалъ; поставили гробъ въ вагонъ, развѣсили вѣнки... Тутъ были отъ Совѣта Института отъ товарищей по Институту по курсу, отъ товарищей—земляковъ, отъ знакомыхъ, близкихъ, отъ товарищей по общественной работѣ въ студенческихъ организаціяхъ, отъ Единой Комиссіи и Горнаго кружка, отъ слушателей Института.

Прощаясь на вокзалѣ одинъ изъ товарищей—сказалъ то, что чувствовалось все время, что носилось въ воздухѣ: Слышитъ-ли Т. С. тотъ побѣдный кличъ, то ликованіе, которое раздалось по всей землѣ Русской, зародившись въ ночь, въ ту ночь, когда предательскіе выстрѣлы сразили его... Слышитъ-ли онъ? Онъ слышитъ... Пусть передастъ его тѣмъ, кто давно сложилъ голову, кому не дано было счастья почувствовать прелесть нарождающейся свободы, кто ушелъ въ вѣчность въ мрачное время безправія, въ темную ночь, когда солнце свободы еще было низко подъ горизонтомъ и лучи его еще не прорѣзывали мрака и лишь особо чуткія сознавали, что оно—яркое солнце—когда-то взойдетъ.

Окончилъ говорившій... Еще разъ хоръ товарищей исполнилъ „Вѣчная память“ и медленно точно нехотя, стали расходиться...

Смерть С. Т. вызвала живой откликъ среди всего состава Института. Совѣтъ профессоровъ и Институтъ приняли на себя всѣ расходы въ Петроградѣ; среди товарищей возникла мысль учредить стипендію имени Т. С. въ Институтѣ, а товарищъ Сининъ внесъ на стипендію первый взносъ въ размѣрѣ 500 руб.; Горный Кружокъ, секретаремъ котораго былъ Т. С., постановилъ назвать библіотеку Кружка его именемъ.

